

ЖУРНАЛ
ВЕРШОК

Литературно-художественный

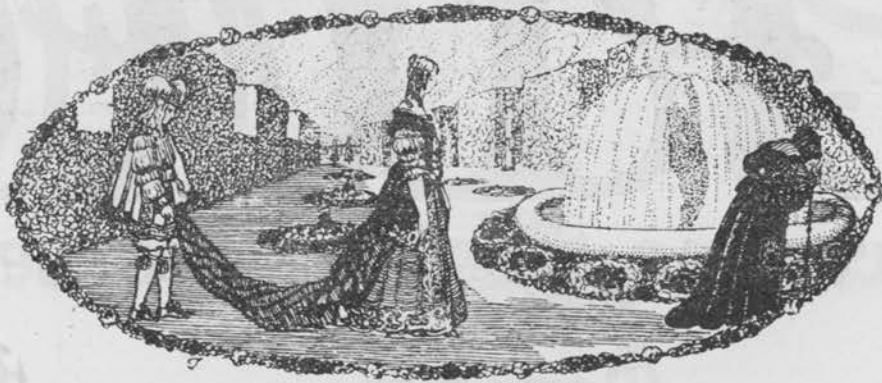
№ 11.

Февраль.

1915 г.

Рис. П. Жилина.

Какъ вставшій отъ долгой болѣзни,
Еще со слабостью въ дрожащихъ колѣняхъ,
Въ день первый, въ день послѣднй
На послѣднихъ я медлю ступеняхъ.

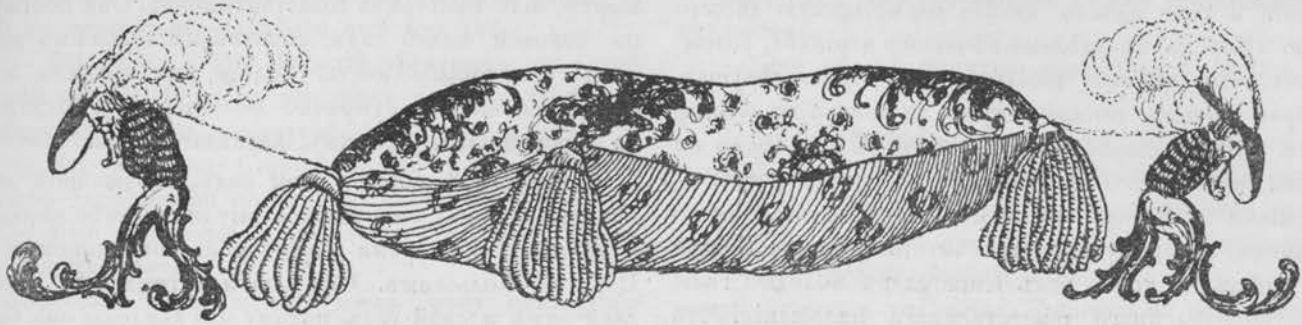
День единственный и вдохновенный!
Уже вся мгла разѣвется скоро.
Завѣтъ мой былъ завѣтъ вѣрный.
Какая радость для сердца и взора!

Я давно, смиренный и покорный,
Предъ Господнею волею преклонился,
И обманъ разъединенія, побѣжденный,
Ослабѣлъ, распался, сокрылся.

О, Свѣте тихій, вѣчный Боже!
Твоя мечта—все міроздавье.
Я догораю въ божественной грезѣ.
Я—Твое тихое мерцанье.

Федоръ Сологубъ.

РАЗСКАЗЪ.

Тебѣ, мой сіяющій, пламенный
свѣтъ, тебѣ посвящаю.

I.

Лобачевскій проснулся, почувствовавъ, какъ сзади кто-то тычетъ его въ затылокъ чѣмъ-то твердымъ. Отодвинувъ голову въ сторону, онъ протеръ пухлыми, мягкими ладонями глаза и, взглянувъ назадъ, увидѣлъ своего ручного стараго журавля Ивика. Журавль смотрѣлъ на Лобачевского темными, круглыми глазами, подернутыми печальной поволокой, и клювомъ толкалъ его въ плечо.

Лобачевскій погладилъ Ивика по гладкой, твердой головѣ и упругой, длинной шеѣ.

— Что, синьоръ?.. Что, братъ? А?

Ивикъ шевельнулъ крыломъ, переступилъ красными, тонкими, какъ палки, ногами и издалъ рѣзкій, короткій, тревожный звукъ.

— Ну, что скажешь, старичокъ? — Лобачевскій громко, протяжно звянулъ и растопырилъ руки, разминая ихъ отъ послѣобѣденнаго, соннаго онѣмѣнія. — Чего кричишь? Что съ тобой?

Ивикъ опустилъ клювъ и, поднявъ лѣвую ногу, застылъ, будто думая глубоко о чемъ-то своемъ, журавлиномъ, важномъ.

— Дура ты, голубчикъ, американская! Осель черезъ лть!

Лобачевскій всталъ съ высокаго, обитаго спинимъ ситцемъ съ желтенькими цвѣточками, проспѣннаго, «наслѣдственнаго» кресла, въ которомъ дремалъ по привычкѣ ежедневно два часа послѣ обѣда, нагнулся, кряхтя, поднялъ оброненную, недочитанную газету и пошелъ къ столу. До вечерняго чая оставался еще цѣлый часъ, и Лобачевскому захотѣлось немного пописать: онъ велъ свои мемуары и ежедневно вписывалъ въ толстую, переплетенную въ коричневую кожу съ золотой мушкой на переплетѣ, тетрадь одну-двѣ странички.

Потирая лѣвой рукой бѣлую, съ розоватымъ отливомъ, плѣшь, онъ перелисталъ тетрадь — «Слѣды моей жизни», перечиталъ вчера написанный рассказъ о томъ, какъ покойный Онуфрій Логиновичъ, по слову курьера, не спалъ цѣлую ночь наканунѣ того дня, въ который ожидалось напечатаніе приказа о производствѣ его изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ тайные, представилъ себѣ тощаго, искривленнаго, словно перегнутаго, тихогогосаго, ехиднаго Онуфрія

Логиновича и, осторожно макая перо въ чернильницу, сталъ медленно писать новое воспоминаніе о Трагелѣ, уволенномъ изъ канцеляріи по третьему пункту и поступившемъ послѣ этого въ страховое общество на пятьдесятъ рублей въ мѣсяць. Лобачевскій писалъ, сощуривъ свѣтлые, словно запыленные глазки, прищмыкивалъ, улыбался, качалъ головой не то изъ укоризны Трагелю, не то отъ воспоминанія о прошедшемъ, далекомъ, навѣки улетѣвшемъ.

Изъ прошлаго вспоминалась только служба въ канцеляріи, трудная и долгая чиновничья карьера, законченная чиновомъ дѣйствительнаго статскаго, аниской звѣздой, отставкой и пенсіей, сослуживцы, начальники, сплетни, слухи, назначенія и передвиженія.

Вечерній, грустный свѣтъ косыми, алыми лучами смотрѣлъ, прощаясь, въ окно. Бѣлая, линованная страница, на которой засыхали написанныя строчки, красива, озаренная заходящимъ солнцемъ, и лицо Лобачевского, наклоненное надъ столомъ, казалось яснымъ, помолодѣвшимъ, освѣщеннымъ.

Ивикъ подошелъ къ столу, положилъ клювъ рядомъ съ тетрадью и снова издалъ прежній тревожный звукъ.

Лобачевскій вздрогнулъ и капнулъ чернилами на тетрадь.

— А, чортъ тебя! Скотина! Чего суешься! — Онъ хлопнулъ Ивика по головѣ.

Журавль отошелъ въ сторону и, взмахнувъ крыльями, крикнулъ громче и пронзительнѣе.

— Пошелъ вонъ!

Лобачевскій всталъ, открылъ дверь и, показывая рукой, сказалъ:

— Не умѣете держать себя — удалитесь! Станьте отсутствующимъ! Свиныя!

Журавль медленно зацапалъ ногами по полу и вышелъ, и къ Лобачевскому донесся его прежній рѣзкій крикъ.

Лобачевскій опять сѣлъ писать, но нарушенный ходъ мыслей не налаживался. Трагелъ исчезъ изъ памяти, будто его никогда и на свѣтѣ не было. Въместо него вспоминался всякій вздоръ: вспоминалось то время, когда онъ былъ оставленъ при университетѣ, выдержалъ магистрантскій экзаменъ и готовился стать приватъ-доцентомъ по кафедрѣ русской

исторіи и даже началъ писать магистерскую диссертацию «Народъ въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ»; вспомнилось, что любилъ молодую, прелестную дѣвушку, которая потомъ вышла замужъ за какого-то журналиста. Онъ не написалъ объ этомъ въ мемуарахъ ни строки, потому что считалъ эти годы неинтересными, блѣдными и незначительными для того невѣдомаго историка, которому придется читать мемуары. Нельзя же писать о томъ, какъ живетъ въ молодые годы безъ опредѣленнаго общественнаго положенія. Что такое за общественное положеніе—званіе сверхштатнаго приватъ-доцента и 37 рублей въ мѣсяцъ жалованья! Вздоръ! А вотъ, когда Онуфрій Логиновичъ пригласилъ на службу во вѣренную ему канцелярію—другое дѣло! Тутъ начинается серьезная, обеспеченная жизнь безъ всякихъ мальчишескихъ обманчивыхъ мечтаній!

Лобачевскій попробовалъ вернуться къ Трагелю, но не могъ: не было настроенія. Онъ закрылъ тетрадь и вздохнулъ: тру-ту-ту-у-уфъ!

II.

Екатерина Константиновна, съ которой жилъ Лобачевскій, улыбаясь изсиня-розовымъ напудреннымъ лицомъ, разливала чай, а ея мать, сѣдая толстуха, читала книгу, держа ее близко у глазъ.

Лобачевскій сидѣлъ молча, выпячивая губы и отдуваясь.

— Вы нездоровы, Василій Дмитричъ?—спросила Екатерина Константиновна, внимательно глянувъ на его развѣяннаго лицо.

— Нѣтъ, ничего... Здоровъ, кажется.

— Хорошо отдохнули послѣ обѣда?

— Да, достаточно... Ивикъ разбудилъ. Клювомъ толкается.

— Представьте, значить не васъ одного. Сегодня съ самаго утра ко всѣмъ пристаеъ и, понимаете, будто бы хочетъ что-то сказать. Маму въ ухо ткнулъ.

— Но я абсолютно индифферентна къ нему—отозвалась мать, не переставая водить близорукими глазами по строкамъ.

— Не боленъ ли?—спросилъ Лобачевскій.—Кричитъ. Помѣшалъ мнѣ писать!

— Ахъ, какъ это печально!—вздохнула Екатерина Константиновна.—Я такъ люблю ваши воспоминанія! Въ нихъ столько того, что французы называютъ ...ы-м... позвольте, позвольте...—она приложила пальцы въ перстняхъ ко лбу, надъ которымъ бордюрикомъ висѣли завитые черные волосы парика—забыла! Охъ, какая жалость! Такое изящное слово! Вообще французы умѣютъ...

— Да, они мастера! сказалъ Лобачевскій, польщенный словами сожительницы.—Я какъ разъ о Трагелѣ хотѣлъ писать. Досадило!

— На будущее время я не буду пускать его къ вамъ во время вашихъ занятій. Глупая такая птица! Вѣдь она ничего не понимаетъ... Подлейте себѣ сливокъ, Василій Дмитричъ. Это полезно!

Послѣ чая Лобачевскій надѣлъ пальто и пошелъ гулять. Рядомъ съ нимъ, въ теплой вязаной длинной

кофтѣ, шла Екатерина Константиновна. Они обогнули по боковой аллеѣ садъ, сквозившій тусклымъ золотомъ увядающаго листа. Солнце уже уходило, и въ саду становилось сумрачно по-вечернему. Недалеко, за деревяннымъ заборомъ, каркала ворона.

Лобачевскій любилъ свой садъ, окружавшій деревянный домикъ; онъ казался ему роскошнѣе парковъ, видѣнныхъ во время служебной командировки въ Царствѣ Польскомъ. Онъ любилъ горячо и иѣжно свой домъ и свой садъ, потому что куплены они были на сбереженія долгихъ лѣтъ, на откладыванія изъ наградныхъ и изъ жалованья, изъ командировочныхъ, посуточныхъ, прогонныхъ. О домикѣ съ садомъ мечталось въ трудные дни, долго мечталось. И когда мечта стала дѣйствительностью, Лобачевскій почувствовалъ огненный восторгъ. Не нужно нанимать квартиры, платить домовладѣльцу. Онъ самъ—домовладѣлецъ. И на воротахъ была прибита жестяная, выкрашенная въ бѣлое дощечка: «Собственный домъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Димитріевича Лобачевского».

Выйдя въ отставку, Лобачевскій свой досугъ отдалъ саду. Деревья всѣ были подстрижены, аллеи посыпаны желтенькимъ песочкомъ. Передъ верандой былъ устроенъ цвѣтникъ: здѣсь были клумбы, разбитыя узорами: буква Л—начальная буква фамиліи Лобачевского, Е—имя Екатерины Константиновны, 1879—годъ вступленія на государственную службу, Д. С. С.—дѣйствительный статскій совѣтникъ; С. Г.—статскій генералъ; С. А.—Станиславъ и Анна—двѣ звѣзды, полученныя Лобачевскимъ. И каждый разъ, когда заходилъ кто-нибудь въ гости, Лобачевскій неизмѣнно говорилъ:

— Обратите ваше вниманіе на распланировку клумбъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ своего рода символическое значеніе.

Гость восхищался, а Лобачевскій продолжалъ:

— Да, знаете, я какъ Цицинатъ, уйдя отъ дѣлъ государственныхъ, занялся культурой земли.

Екатерина Константиновна и Лобачевскій гуляли молча. Онъ, глядя съ неудовольствіемъ на желтые листья, покрывавшіе аллеи, думалъ о томъ, что надо будетъ сказать дворнику, чтобы тотъ подмелъ и посыпалъ свѣжимъ пескомъ дорожки. А такъ—некрасиво; беспорядокъ, гнилые листья. Екатерина Константиновна вспоминала фасонъ платья, которое ея портниха шила для предводительши. «Надо и себѣ заказать такое, только отдѣлать не газомъ, а генюромъ. Это будетъ красиво».

— Что-то холодно стало!—сказалъ Лобачевскій, пряча шею въ воротникъ пальто.—Пойдемте лучше въ домъ.

Передъ крыльцомъ Лобачевскій увидѣлъ Ивика. Журавль стоялъ, поднявъ клювъ, и смотрѣлъ на небо. И глаза его были печальны, и было въ нихъ что-то человѣческое.

— Что стоишь, мерзавецъ? А?—добродушно спросилъ Лобачевскій, похлопавъ Ивика по головѣ.—Смотришь? Смотри, смотри! Что это съ нимъ?—обра-

тился онъ къ Екатеринѣ Константиновнѣ, входя за нею въ переднюю.—Объясъ онъ что ли?

— Вы очень добры, Василий Дмитричъ, къ этой глупой птицѣ. Если бы это былъ ну... попугай или вообще что-нибудь комнатное... а журавль...

— Ну, ничего... Старый другъ, можно сказать. Должно быть, скоро подохнетъ. Такъ мнѣ думается.

— Мнѣ непріятно, что она вамъ мѣшаетъ. Меня это разстраиваетъ.

Лобачевскій улыбнулся, взявъ руку Екатерины Константиновны и цѣлуя произнесъ:

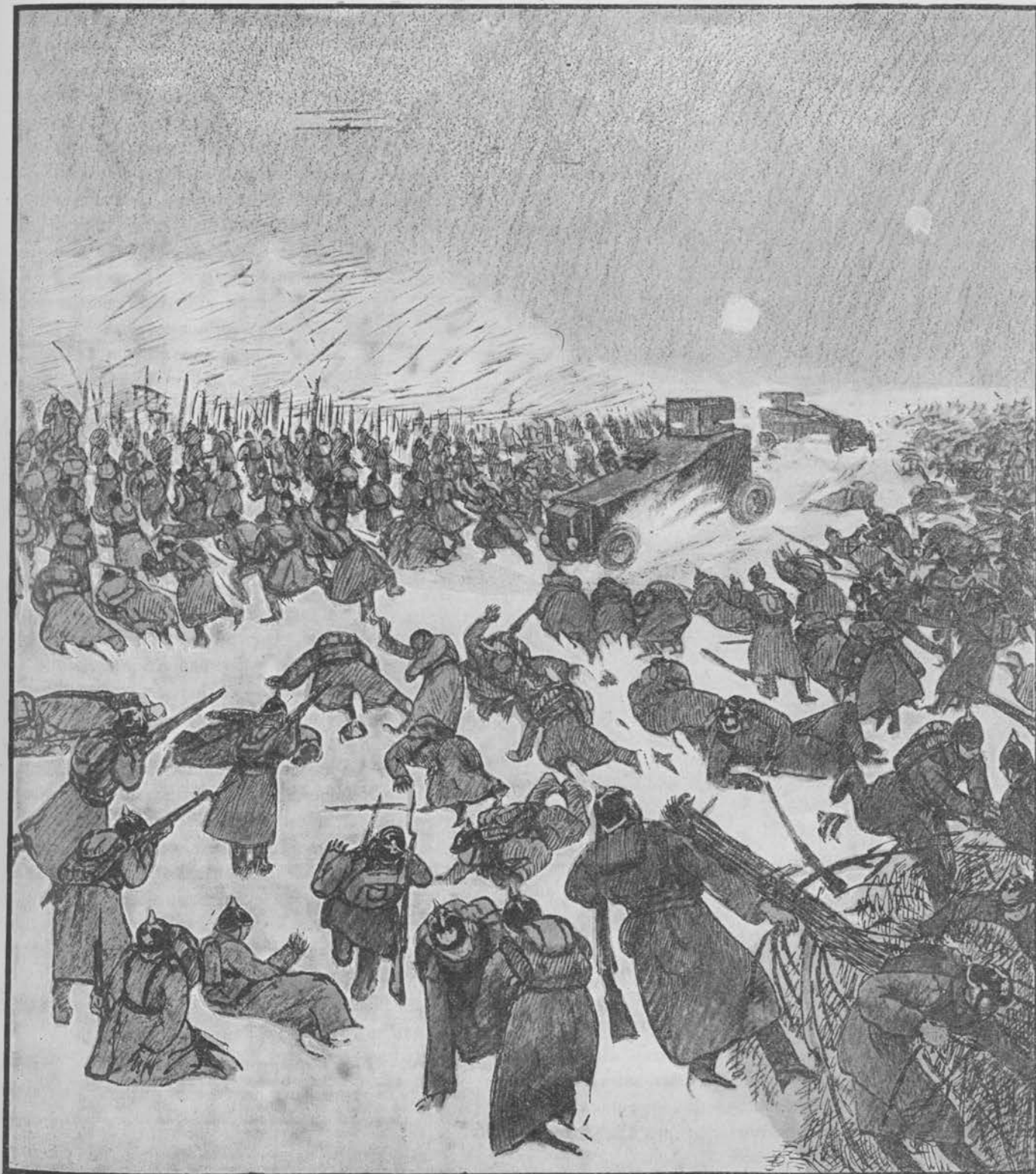
— Вы очень внимательны ко мнѣ.

Екатерина Константиновна иѣжно поцѣловала его въ лысину.

— Это вполне понятно, разъ я васъ люблю.

III.

Лобачевскій сидѣлъ на диванѣ въ гостиной, въ красной тѣни большой лампы подъ пышнымъ шелковымъ абажуромъ. Екатерина Константиновна играла на піанино попури изъ «Травіаты». Слышно было, какъ въ столовой, рядомъ, прислуга стучала посудой, накрывая столъ къ ужину. Лобачевскій подремывалъ, закрывъ глаза. Музыка была пріятна, и спокойно думалось, что скоро ужинъ, потомъ надо написать по-

Набѣгъ русскихъ бронированныхъ автомобилей на нѣмцевъ.

Рис. худ. П. Митурича.

здравительное письмо въ Москву: кузина именинница. А завтра, съ утра, засядеть за мемуары и написать о Трагелѣ.

Екатерина Константиновна повернулась на винтовомъ табуретѣ.

— Хотите, я вамъ сыграю, Василий Дмитричъ, изъ «Трубадура».

«Фламандка».

Лобачевскій открылъ глаза.

— Да, да... сыграйте. Я очень люблю. Помните, тамъ это мѣсто... тра-ра-рамъ... рамъ-тамъ-тамъ... «Прощайте, горы и лѣса»... или это изъ другого... какъ его?.. А?.. Я еще слыхалъ мадамъ Зембрихъ... высокой такой голосъ и тонкій...

Екатерина Константиновна, вспоминая, наморщила лобъ.

— Не знаю, право, что вы имѣете въ виду... Вамъ больше Зембрихъ нравилась, а мнѣ, представьте, Баттистини. Очень эlegantный мужчина! Comme il faut!

— Пожалуйте кушать—сказала горничная, выходя изъ столовой.

За ужиномъ Лобачевского клонило ко сну. Медленно приподнимая тяжѣвшія вѣки, онъ видѣлъ голову Ивика, стоявшаго у стола. Журавль ничего не вѣлъ и даже не тронулъ каши—своего постоянного кушанья.

Было тихо. Мать Екатерины Константиновны дремала съ подвистывающимъ легкимъ храпомъ. Екатерина Константиновна задумалась о чемъ-то, подперевъ руками полное, набѣленное лицо. Лобачевскому захотѣлось къ себѣ въ комнату. Онъ всталъ, поцѣловалъ черныя, пахнушіе чѣмъ-то прянымъ, волосы Екатерины Константиновны и, отказавшись отъ чая, пошелъ къ дверямъ. Ивикъ медленно зашагалъ позади.

Въ кабинетѣ Лобачевскій написалъ письмо, посмотрѣлъ на календарѣ завтрашнее число—и вѣтъ ли знакомыхъ именинниковъ, зѣвая, дочиталъ газету и сталъ ложиться. Ивикъ, всегда застывавшій у кровати въ одной и той же позѣ—опущенный клювъ и поджатая нога—безпокойно бѣгалъ изъ кабинета въ гостиную и обратно.

— Ивикъ, маршъ спать!—сказалъ Лобачевскій, снимая пиджакъ и идя къ столу тушить лампу.—Ну!—Онъ постоялъ, глядя на журавля, свѣтлѣвшаго въ темной гостиной.—Тебѣ говорятъ, или кому-нибудь другому?

Журавль не обращалъ вниманія на голосъ и быстро бѣгалъ, цапая по полу когтями. Лобачевскій не могъ лечь: онъ привыкъ къ тому, что Ивикъ стоитъ у кровати.

— Иди же сюда, глупая птица!—Лобачевскій вошелъ въ гостиную, взялъ журавля за клювъ и, приведя его въ кабинетъ, заперъ дверь.—Вотъ такъ! Ну, спать, Ивикъ, спать! Скоро двѣнадцать. Не хочешь?

Журавль метнулся къ окну.

— Что такое? Воры? Видишь кого-нибудь?—Лобачевскій сталъ тревожиться, ставъ рядомъ съ журавлемъ, приложилъ ладонь щиткомъ ко лбу, думая увидѣть что-нибудь за окномъ. Но ничего не увидѣлъ. Сурово и угрюмо вылъ осенній вѣтеръ, и деревья шумѣли протяжнымъ, глухимъ шорохомъ.

Л. Бруни

Рис. Л. Бруни.

— «Наказанье мнѣ съ нимъ!—подумалъ Лобачевскій—вѣрно, захворалъ».

— Ну, что съ тобой? А? Болитъ у тебя что-нибудь?—спросилъ онъ, беря обѣими руками голову журавля и заглядывая въ его стеклистые глаза.—Отчего не спишь?

Никъ жалобно, тихо застоналъ — га-а... га-а... га-а...

— Однако, братецъ, какъ ты себѣ хочешь, а я буду спать—рѣшилъ Лобачевскій, потушилъ лампу и легъ въ кровать. Но не спалось. Чувствовалъ странное безпокойство, отъ котораго становилось непріятно. Долго слушалъ съ закрытыми глазами, какъ шумитъ вѣтеръ; дѣлалось страшно. Повернулся лицомъ къ стѣнѣ—услыхалъ скрипъ. Показалось, что кто-то ходитъ. Задерживая дыханіе, ждалъ, что вотъ-вотъ раздадутся шаги. Нѣтъ. Тихо. Прошла минута, другая—ничего не слышно. Думалъ, что теперь заснетъ, но сна все не было, а со дна души поднималась, всплывала тревога.

— Га-а... га-а...—застоналъ журавль.

— Господи! Да что съ тобой! Ну, пойдн сюда!.. Ну!..

Лобачевскій въ темнотѣ нащупалъ журавля и притянулъ къ себѣ.

— Ишь, сердце какъ бьется!—Онъ гладилъ рукою по перьямъ.—У тебя, братъ, журавлиное сердцебиеніе. Ну, спишь, а завтра, тамъ увидимъ

Онъ снова повернулся лицомъ къ стѣнѣ и закрылъ глаза. Заворошилось что-то въ душѣ, будто поднятое, захваченное вѣтромъ. Было какъ-то неловко, странно и тяжело.

— Га—а... Га—а...—простоналъ въ темнотѣ журавль.

— Чтобъ ты здохъ, проклятый!—крикнулъ Лобачевскій, садясь на кровати—ну, чего тебѣ нужно?

Онъ, сердито ворча, всталъ, подошелъ къ столу, нащупалъ спички и зажегъ лампу.

IV.

Сидя за столомъ въ накинутомъ на плечи халатѣ, Лобачевскій перелистывалъ свои мемуары, но, просматривая нѣкоторыя страницы, не чувствовалъ обычнаго удовольствія. Впервые показалось, что люди и событія, о которыхъ онъ писалъ, не имѣютъ для него никакого значенія, никакого интереса, словно онъ съ ними никогда и не встрѣчался. Длиннымъ живымъ хороводомъ побѣжали другія мысли, другія воспоминанія, которыя никогда не были записаны. И отъ нихъ становилось мучительно и сладко, и тревога росла безконечно; дыханіе было трудно переводить, и руки дрожали.

Лобачевскій выдвинулъ нижній дѣвный ящикъ стола и досталъ деревянную, лакированную китайскую шкатулку. Вынималъ изъ нея старыя, коричневыя фотографіи, съ которыхъ смотрѣли на него мужчины и женщины въ старомодныхъ платьяхъ,—знакомые, родные, близкіе, давно умершіе и истлѣвшіе въ могилахъ. Почему-то захотѣлось вспоминать давнее—дав-

нее, то, что было до чиновничьей службы; захотѣлось вспоминать мѣста, въ которыхъ протекла блистающая юность, людей, первыхъ друзей и первыхъ недруговъ.

На днѣ шкатулки, подъ фотографіями, лежало нѣсколько писемъ. Лобачевскій сталъ перечитывать пожелтѣвшіе листки, издававшіе слабый, волнующій ароматъ. И что-то больно кольнуло въ сердце, и глаза замигали. Отъ этихъ листковъ, съ этихъ строкъ, набросанныхъ торопливой рукой, милой, нѣжной рукой когда-то любимой, вдругъ сверкнулъ яркій, золотой свѣтъ, будто солнце взошло, и вся жизнь,

Ну что? Легче теперь!

каждый день, каждый часъ этой жизни освѣтились и, освѣщенные, ужаснули.

Будто падая въ черную, глубокую пропасть, Лобачевскій закрылъ глаза и обхватилъ лысую голову руками. Какъ больно, вспоминать! Какъ невыносимо! Рветъ сердце, терзаетъ и мучаетъ неумолимо, безпощадно!

— Га—а... Га—а...—простоналъ журавль, трогая Лобачевского клювомъ—Га—а... Га—а!..

Лобачевскій не замѣчалъ, не чувствовалъ его, сидѣлъ въ оцѣпенѣніи. Глядя на видѣнія прошлаго, слушая слова, когда-то произнесенныя, страдая всей своей душой.

И до утра, до сѣраго, холоднаго разсвѣта онъ не вставалъ изъ-за стола.

Екатерина Константиновна вошла узнать, какъ

онъ провелъ ночь, и испугалась, увидѣвъ его въ халатѣ, за столомъ.

— Что съ вами? Вамъ худо, Василий Дмитричъ?

Лобачевскій поднялъ на нее красные, тоскливые глаза.

— Нѣтъ... Миѣ очень тяжело.

— Почему?

— Не знаю—онъ покачалъ головой и, помолчавъ, тихо повторилъ:— не знаю.

Екатерина Константиновна взглянула на разбросанные на столѣ письма и фотографіи и скривила губы.

— Надѣюсь, не эти сувениры васъ разстроили?— Она пренебрежительно показала рукой на столъ.

Лобачевскій застыдился, смутился и, торопливо укладывая въ шкатулку карточки и письма, сумрачно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, не это... Просто Ивикъ мѣшалъ спать.

— Какъ вамъ угодно, Василий Дмитричъ, а мое терпѣніе лопнуло. Надо съ нимъ что-нибудь сдѣлать... Написали что-нибудь новое?—Екатерина Константиновна вѣрила, что мемуары Лобачевского имѣютъ большую цѣнность, и послѣ его смерти—она была убѣждена, что онъ умретъ прежде—получить за нихъ много денегъ.

— Нѣтъ, не писалъ...

Екатерина Константиновна молча постояла, намурилась и, выходя изъ кабинета, посмотрѣла на журавля ненавидящимъ взглядомъ. Эта птица была ненавистна ей: отнимала у Василя Дмитрича покой, мѣшала писать и была ему словно ближе, чѣмъ она, Екатерина Константиновна.

«Богъ знаетъ, что выйдетъ, если журавль будетъ каждую ночь мѣшать ему»—подумала она, выйдя изъ кабинета.

А Лобачевскій, утомленный бессонною ночью, медленно одѣлся и незамѣтно отъ домашнихъ вышелъ въ садъ. Позади шагаль журавль.

Лобачевскій хотѣлъ побыть одинъ, самъ съ собою, никого не видѣть, не слышать ни одного слова, ни одного человѣческаго звука. Онъ забылъ надѣть шляпу и пальто и бродилъ въ дальней аллеѣ, вдоль забора, опустивъ плечи и подбородкомъ упираясь въ грудь. Вѣтеръ наносилъ на него темные, помертвѣвшіе, осенніе листья, шевелилъ бѣло-зеленый пухъ волосъ, окружившій лысину, завывалъ въ ушахъ. Вѣтви деревьевъ быстро махали, словно торопливо зова кого-то на помощь, смертельно встревоженные. Лобачевскій стоналъ, стиснувъ зубы, отъ боли, терзавшей всю душу. Онъ начиналъ смутно понимать, что потерялъ что-то давно, навѣки потерялъ самое главное, то, безъ чего нельзя жить, безъ чего всякая жизнь—какъ пустой, нетопленный зимою домъ.

Онъ ходилъ и вспоминалъ свою юность, вспоминалъ свои мечты, которыя самъ же выбросилъ, какъ старый, лишній хламъ, отъ которыхъ осталась одна только слабая, едва замѣтная тѣнь, чуть слышное далекое эхо.

— Боже, да что это такое!—въ отчаяннн шеп-

талъ онъ, чувствуя острое, невыразимое страданіе, не находя для него словъ.

Дойдя до угла, гдѣ скрещивались двѣ аллеи, онъ остановился и почувствовалъ, что кто-то дернулъ его за полу пиджака. Журавль, дрожа, метался, махалъ крыльями и, поднявъ клювъ, не сводилъ глазъ съ неба. Лобачевскій тоже поднялъ лицо и увидѣлъ высоко, въ сѣромъ, сумрачномъ небѣ, летѣвшую стаю журавлей. Было это или нѣтъ—но ему казалось, онъ слышитъ ровный, могучій звонъ крыльевъ, непрерывный, сильный, напряженный звонъ.

Ивикъ крикнулъ рѣзко, громко, съ мукой и отчаяньемъ. Лобачевскому почудилось, что сверху отвѣтили призывнымъ крикомъ. Стая удалялась.

Лобачевскій присѣлъ къ землѣ, обнялъ Ивика и зашепталъ, задыхаясь:

— Лети!.. Лети съ ними!.. Ну, Ивикъ, дорогой, другъ мой старый! Лети!

Онъ всталъ, вытянулъ вверхъ руку и, указывая на темнѣющую въ небѣ стаю, горячо продолжалъ:

— Ты можешь! Ну, лети съ ними! Они далеко летятъ, къ солнцу! Они долетятъ!

Журавль билъ крыльями, вытягивая ихъ кургузые, обрѣзанные концы, припрыгивалъ и кричалъ стонущимъ, тоскливымъ крикомъ, будто просилъ летѣвшихъ братьевъ взять его съ собою въ теплыя, невѣдомыя дали.

— Ну, я подниму тебя!—задыхался Лобачевскій.

Онъ поднялъ Ивика обѣими руками, подбросилъ кверху, но журавль, взмахнувъ безпомощно крыльями, упалъ на землю.

— Василий Дмитричъ! Что съ вами?—услыхалъ Лобачевскій встревоженный голосъ Екатерины Константиновны, торопливо подошедшей къ нему.— Я ищу васъ по всѣмъ комнатамъ, пора чай пить, а вы тутъ гимнастикой занимаетесь. И безъ пальто и безъ шапки! Хотите воспаленіе легкихъ схватить! Дѣйствительно, остроумно!

Лобачевскій взглянулъ въ ея лицо застланными, затуманенными глазами.

— Видите, журавли летятъ? Я думалъ, что нашъ Ивикъ тоже полетитъ.

Екатерина Константиновна улыбулась съ насмѣшливымъ сожалѣніемъ.

— Онъ полетитъ? Что вы, шутите Василий Дмитричъ? У него же крылья обрѣзаны.

Лобачевскій широко, растерянно открылъ глаза.

— Какъ обрѣзаны?

— А такъ. Идемте въ домъ, а то простудитесь... Обыкновенно обрѣзаны. Вы думаете, если бы ихъ не обрѣзали—вашъ Ивикъ сидѣлъ бы здѣсь? Да никогда въ жизни!

Лобачевскій посмотрѣлъ на журавля, вытянувшего вверхъ клювъ, и, опустивъ голову, побрѣлъ за Екатериной Константиновной. Журавль кричалъ, ударяя себя крыльями и пытаясь взлетѣть.

V.

Лобачевскій не чувствовалъ къ Екатериной Константиновнѣ ничего: будто кто-то перерубилъ топоромъ все, что связывало ихъ. Съ злораднымъ, тяже-

лымъ вниманіемъ Лобачевскій слѣдилъ за словами сожительницы и находилъ, что она глупа, необразована, зла.

— Я прикажу убить этого негодного журавля— сердито сказала она, наливая Лобачевскому чай.— Больше я терпѣть не намѣрена.

— Вы этого не сдѣлаете.

— Здравствуйте! Почему это?

— Потому что я этого не хочу.

Екатерина Константиновна долгимъ внимательнымъ взглядомъ измѣрила Лобачевского и вздохнувъ привѣтливо улыбнулась.

— Я васъ люблю и, конечно, ваши желанія для меня святы.

Лобачевскій понялъ, что она лжетъ, и въ ея глазахъ прочелъ, что она твердо рѣшила убить журавля и убьетъ его.

Онъ ушелъ къ себѣ и, не раздѣваясь, легъ на диванъ.

Онъ летѣлъ среди могучихъ птицъ, съ человѣчьиими лицами, гордыми, смѣлыми, прекрасными. Слышенъ былъ золотой звонъ крыльевъ, блиставшихъ огненнымъ свѣтомъ. Никто не замѣчалъ его, будто его съ нимъ не было; птицы съ человѣчьиими лицами смотрѣли впередъ, въ синеву, пронизанную сверкающимъ солнцемъ. Онъ чувствовалъ на своей спинѣ слабыя крылья, взмахивалъ ими съ трудомъ, боялся отстать. Но съ каждымъ взмахомъ онъ опускался ниже, слабѣлъ, собиралъ, напрягая, послѣднія силы, но подняться не могъ. А спутники ровно и смѣло взмывали выше, къ солнцу, и онъ уже не различалъ ихъ въ потокѣ раскаленного свѣта. Все ниже и ниже опускается онъ, видна земля, и сердце невыносимо щемитъ и становится безумно страшно, такъ страшно, что хочется кричать.

Лобачевскій открылъ глаза. Въ комнатѣ было сѣро и сумрачно. Въ окна подглядывалъ хмурый, осенній вечеръ.

Во время сна въ душѣ Лобачевского словно про-

изошла какая-то работа, потому что проснулся онъ въ твердой увѣренности сдѣлать то, что нужно.

Онъ досталъ изъ шкапа револьверъ, осмотрѣлъ барабанъ—всѣ ли пули на мѣстѣ, и вышелъ въ садъ. Онъ пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ утромъ стоялъ съ журавлемъ. Ивикъ былъ въ прежней позѣ и уныло стонаялъ:

— Га-а... га-а...

Лобачевскій наклонился къ журавлю и, вынимая изъ кармана револьверъ, поцѣловалъ журавлиную голову, приложилъ къ ней дуло и, закрывъ глаза, сильно нажалъ собачку. Онъ вздрогнулъ, когда раздался выстрѣлъ, но не открылъ глазъ и, не глядя на лежавшаго на землѣ Ивика, повернулся и пошелъ въ домъ.

На крыльцѣ его встрѣтила блѣдная, съ трясущимися губами, Екатерина Константиновна.

— Вы слышали?... Стрѣлялъ кто-то...

— Я застрѣлилъ Ивика — сказала Лобачевскій, обходя сожительницу.

— За... зачѣмъ?—растерянно спросила она.

Лобачевскій не отвѣтилъ. Екатерина Константиновна догнала его у двери кабинета.

— Василій Дмитричъ, вы хотѣли сдѣлать мнѣ пріятное? Не такъ ли?

— Отстаньте!—крикнулъ Лобачевскій, останавливаясь и поворачивая къ ней блѣдное лицо.— Оставьте меня въ покоѣ!

Онъ вошелъ въ кабинетъ, заперъ дверь, повернулъ въ замкѣ ключъ и подошелъ къ столу. Его взглядъ остановился на мемуарахъ. Онъ взялъ тетрадь, медленно вырвалъ изъ нея, одинъ за другимъ, всѣ листы, зажегъ свѣчу и каждый листъ сжегъ на ней. Когда на столѣ черной, обугленной горкой легъ пепелъ сожженныхъ страницъ, Лобачевскій обхватилъ, сжимая, обѣими руками голову и заплакалъ.

Леонидъ Доброправовъ.

Рис. В. Левитскаго.

„ВАСЮТКА И ГОРЕ“.

Осторожно, пугливо, озираясь по сторонам, как маленький загнанный зяброк, вылез Васютка из под вороха запущенной сибгом соломы. Чутко прислушался к прозрачной тишине морозной зимней ночи и, неловко семеня по хрустящему сибгу большими отцовскими сапогами, юркнул в черную дыру избы. Сорванная с петель дверь, каким-то чудом еще державшаяся в скобах, жалобно проскрипела и замолкла, словно истощив последние усилия...

Жутко, тихо в темной горнице. Сквозь выбитое стекло свободно врывается холодный вбтерь, шуршит оборванными обоями, словно ищет чего-то забытого, потерянного. Черная уродливая тбни столпились по углам, страшная, дрожащая...

Васютка остановился, опять прислушался и ошупью стал пробираться к бблввшей в углу печкб... Наткнулся на опрокинутый столик, задвбл трехногий стул, с грохотом упавший на пол, и, наконец, достигнув противоположного конца комнаты, прижался к холодной стбнб дрожащий и испуганный...

Маленькое сердечко сильно, сильно билось в груди...

Устремив глаза в темноту, Васютка ждал чего-то, стараясь своим маленьким умом понять происшедшее... Жуткая тишина, нарушаемая только возней и писком крыс под полом, с ожесточением грызущих острыми зубами старая доска, да вбтромь, шелестящим кусками оторванной бумаги, становилась еще страшнее, еще зловещее...

Кричащие солдаты в сбросинных балахонах, уведшие его тятку, стрблявшие по деревнб и убившие дбда Михала и бабушку Марианну, словно опять вернулись и спрятались в темных углах, наполняя тишину сдержанным угрожющим шопотом...

Васютка жмурит глаза, чтобы не видбть этих страшных злых лиц, затыкает худенькими пальчиками уши—все напрасно. Тишина надвигается все ближе и ближе, холодный вбтерь начинает казаться ледяным дыханием какого-то чудовища, готового каждую секунду пожрать маленького притаившагося Васютку...

Медленно тянется время.

За печкой застрекотал сверчок, и равномерное монотонное чиканье глухо отдавалось в пустой избб...

Теперь Васютка уже разувбрился, что тятка скоро вернется и побдет сь ним, как оббщал, вь город...

Захогблось плакать...

«Тятка»—робко протянул он и опять замолчал, словно испугавшись своего одиночества...

«Тятка», снова крикнул Васютка громко вслипывая.

Испуганный крикомь крысы прекратили свою возню, замолк притаившийся сверчок, и окружающая тишина стала гуще, еще таинственнее.

Вдруг из-под печки сверкнула пара горящих

покрывших серебристым налетом его разбввающихся по вбтру волосы, ббжал, не чувствуя, что оставил вь каком-то сугробб сперна одинь, а потом и другой отцовский сапог, ббжал, словно подгоняемый какой-то невбдомой, неумолимой силой навстрбчу все прибли-

А лбсь все темнбл и темнбл. Все гуще вставали ряды косматых слей и сосен, простирая навстрбчу Васюткб свои колючия лапы-вбтви, словно стараясь не пустить его вь темную, непроглядную чащу...

Вот сь какого-то дерева поднялась стая голодного воронья и сь рбзкимь карканьем, тяжело махая крыльями, словно удостоверившись вь полной безопасности, опять опустилась на ближайших вбтках, обдавь Васютку дблымь градомь замерзшихь сибжнихь комбсвь...

Васютка остановился...

Чувство затерянности и одиночества снова сжало трепетно ббщесся сердечко, и плачь скорбный, тоскливый плачь маленькой обиженной души, жалобно прозвучал вь тишинб мрачного застывшего лбса.

Гдб-то вь сторонб хруснули вбтки.

Васютка снова судорожно метнулся вперед и поббжал, наталкиваясь на стволы мокрых вбтвей...

Вот между деревьями мелькнул, словно чей-то красноватый глаз—огонек костра...

«Тятка», почему-то подумаль Васютка, напрягая всю силу своего слабого дбтского голоса, пронзительно закричал... «Тятка!»—и упал ничкомь вь рыхлый, сразу осбвший под тяжестью его тбла, сугробб...

Когда Васютка пришел вь себя, первое, что бросилось ему вь глаза при яркомь свбтб костра, было бородатое лицо вь огромной бблой шапкб, низко наклонившееся над ним...

Васютка задрожал...

— Лежи, лежи, дурной, и кудысь это тебя, махонького такого, нелегкая занесла, ласковымь тономь забасил обладатель огромной шапки...

— Гляди-кось, братцы, наш паренек-то очухался, вот и подарочек Бог послал...

Нбсколько солдат окружили лежащего Васютку, который только теперь замбтил, что укрыть полубкомь, а ноги засунуты вь такую бблую шапку, какь на головб у одного изь говорившихь...

— Вот и расчудесно, скоро айда на коней и господину есауду доставим,—загомонили казаки...

— А ты, малый, испей-ка горяченького чайку, пользительно будеть, а то и вьрмь сосудкой сталь,—и казакь подаль Васюткб манерку сь горячимь дымящимся чаемь, гдб соблазнительно плвали корочки размоченного сухаря...

Д. Романов.

Современные гунны, идя вь атаку, ведуть впереди себя плбнных жителей.

зеленых глаз, и что-то черное швыркомь перелетбло через комнату и, зазвенбв разбитымь стекломь, выскочило на улицу...

Васютка не выдержал... Сь душу раздирающимь крикомь, ударившись по пути о сваленную табуретку, выббжал он на дворь, оттуда на улицу и бросился ббжать по полю, увязая вь рыхломь только что выпавшемь сибгб...

Васютка ббжал, не отдавая сьбб отчета, куда и зачбмь, стараясь только уйти оть этой страшной избы, полной ужасных невбдомых чудовищ... Ббжал сь трудомь перенося дыхание, не замбчая падающих сь неба сибжинок, уже

жающемуся, словно вырбзанному изь бблых кораллов, шумящему лбсу...

Споткнулся, упал, больно ударившись о запущенный сибгомь пень, вскочил и, какь пресбдуемый заяц, нырнул подь бблый сводь...

Вь лбсу было теплб... Бблые стволы уходящих вь высь великановь словно разступились, давая дорогу маленькому ббгущему мальчику сь посинблымь лицомь и растрепанными волосами...

Васютка ббжал все тише и тише.

Усталыя закоченбвшия ноги уже сь трудомь несли посинблое подь рванымь сюртучишкомь худенькое тблце...

* * *

Ты пѣла надъ рѣкой;
Твоѣ голосъ раздавался—
И радостью такой
За рошей отзывался,—

Какъ будто не могли
Трепещущія трели
Угаснуть тамъ, вдали—
И вновь, и вновь горѣли;

Какъ будто пѣсня та,
Что разъ душ ю снѣта,
Не можетъ, изжита,
Умолкнуть безъ отвѣта;—

Въ невѣдннѣ цвѣтя
Оградою нездѣшней,
Ты пѣла, какъ дитя,
Одна, зарею вешней.

Юріі Верховскій.

СТРАНИЧКА БУДУЩАГО.

Через сто лѣтъ, несомнѣнно, будутъ также существовать и дѣти, и среднія учебныя заведенія, слѣдовательно, будутъ существовать и учебники по исторіи.

Намъ удалось достать страничку изъ будущаго учебника исторіи.

Слѣдующимъ напечатать ее цѣликомъ, дабы наши читатели получили также возможность ознакомиться съ тѣмъ, что будетъ черезъ сто лѣтъ.

Сто лѣтъ тому назадъ въ Европѣ жилъ сильный и жирный народъ подъ названіемъ «нѣмцы».

Нѣмцы были большіе мастера выдѣлывать изъ сырья пуговицы, платья, колбасу, философію и тому подобныя предметы.

Всѣ эти нѣмецкія издѣлія служили предметомъ вывоза въ другія страны.

Нѣмцы хорошо торговали какъ пуговицами, такъ и философіей. Жили они припѣваючи и долго такъ жили бы, если бы не нѣмецкій кайзеръ, прозванный за самонадѣянность Вильгельмомъ Вторымъ, а за неудачную кампанію Вильгельмомъ Послѣднимъ.

Этотъ кайзеръ, чтобы прославиться, рѣшилъ объявить войну всѣмъ народамъ Европы, Азии, Африки и Австраліи.

Про кайзера и его приближенныхъ рассказываютъ много анекдотовъ...

Однажды Вильгельмъ сидѣлъ мрачный въ своей ставкѣ.

Война только что началась, а въ нѣмецкой арміи уже не хватало пуль, и не было мѣди въ странѣ, чтобы отливать новыя пули.

На досугѣ.

Офортъ М. Курилко.

И неотступно преслѣдовалъ кайзера мучительный вопросъ:

Гдѣ взять мѣдь?

Вдругъ кайзеръ замѣтилъ, что мимо окна прогуливается молодой солдатъ.

Онъ шелъ взадъ и впередъ, заглядывая въ окна временной кайзеровой квартиры.

Онъ позвалъ дежурнаго генерала и приказалъ ему:

— Позвать сюда вонъ того солдатика, что ходитъ мимо моей главной квартиры взадъ и впередъ.

Солдатикъ съ радостью предсталъ передъ грозными усами кайзера.

Послѣдній спросилъ:

— Ты хотѣлъ мнѣ что-то сообщить?

— Такъ точно!—отвѣтилъ солдатъ.

— Я пришелъ помочь твоему горю.

— Какому горю?

— У тебя нѣтъ мѣди для отливки пуль. Я научу тебя, какъ достать мѣдь.

— Говори!—приказалъ кайзеръ.

Солдатикъ улыбнулся и сказалъ:

— У насъ, какъ извѣстно, очень много профессоровъ международнаго права, генераловъ и лейтенантовъ. У нихъ всѣхъ, какъ извѣстно, мѣдные лбы... Что-бы тебѣ, ваше нѣмецкое величество, употребить эту мѣдь на пули... Когда кончится война, ты изъ разстрѣлянныхъ пуль снова отольешь имъ лбы. Пока же имъ можно сдѣлать деревянные...

Вильгельму очень понравился совѣтъ солдата, и онъ произвелъ его въ вахмистры.

Нѣмецкіе же университеты съ своей стороны

дали ему званія: доктора философіи, доктора медицины, доктора математическихъ наукъ и профессора международного права.

Генералъ Гинденбургъ, за отличное отступление отъ Варшавы произведенный въ фельдмаршала, терпѣть не могъ «немогузнайства».

Однажды ночью онъ вышелъ изъ своей палатки и пошелъ гулять на западный фронтъ.

У одного окна онъ встрѣтилъ враждебнаго англичанина, игравшаго въ футболъ.

Генералъ Гинденбургъ подошелъ къ нему и спросилъ:

- Когда вы рѣшили сдать намъ Лондонъ?
- Послѣ того, какъ французы сдадутъ Парижъ.
- А когда французы сдадутъ Парижъ?
- Послѣ сдачи Берлина, генералъ...

Фельдмаршалъ, несмотря на любовь свою къ краткимъ и определеннымъ отвѣтамъ, отвѣтомъ англичанина остался не совсѣмъ доволенъ...

Въ Германіи во время войны сталъ ощущаться сильный голодъ.

Однажды нѣмецкія войска заняли замокъ какого-то французскаго аристократа.

Лейтенантъ, кучу чужого добра разрывая, нашелъ жемчужное зерно.

Лейтенантъ, спрятавъ находку, сказалъ чуть не плача:

— Какая неудача! Я былъ бы больше радъ, если бы нашелъ зерно пшеничное.

Одинъ старый солдатъ, услышавъ эти слова, вздохнулъ и сказалъ:

— А вѣдь было времячко, когда на каждаго человека по фунту хлѣба выдавали на мѣсяць. Эхъ, счастливое было времячко.

Всѣ это помнили, но всѣмъ казалось, что это было такъ давно, такъ давно...

Многіе даже были увѣрены, что никогда этого не было...

И всѣмъ стало грустно, грустно...

О. Л. Доръ.

Г О Ф А Р Ъ.

(эпизодъ изъ франко-прусской войны).

На фермѣ ля-Туретъ расположился дозоръ изъ пятнадцати солдатъ изъ вновь мобилизованнаго батальона, стоявшаго въ Монтиньи. Среди нихъ Гофаръ, продавецъ скота. Сержантъ Бешонъ командовалъ карауломъ. Обширный дворъ фермы окружала со всѣхъ сторонъ высокая каменная ограда, съ которой открывался видъ на прилегавшія окрестности. Сквозь желѣзную рѣшетку воротъ видѣлась дорога на Женнетт, а дальше шли безконечныя пустынные поля. Ровная открытая мѣстность казалась спокойной.

Для большей безопасности патруль рѣшилъ помѣстить часового на лѣстницѣ, приставленной къ оградѣ. Выборъ палъ на Гофара, отличавшагося вообще добродушіемъ и готовностью всегда безотвѣтно исполнить самую трудную работу. Сержантъ же и остальные солдаты мирно усѣлись кружкомъ, занятые обсужденіемъ текущихъ событій.

Несмотря на суровыя времена и тяготы разорительной войны, всѣ эти люди самыхъ разнообразныхъ профессій, успѣли уже привыкнуть къ тяже-

лымъ условіямъ походной жизни, и въ сущности были довольны возможностью оставить и забыть на время свои обыденныя занятія.

Толстый фермеръ, старый весельчакъ и пьянчуга, успѣлъ во время надежно припрятать нажитый капиталецъ и теперь, не унывая, бодро смотрѣлъ навстрѣчу надвигавшейся военной грозѣ. Не теряя обычнаго веселаго расположенія духа, онъ смѣшилъ шутками всю компанію, усердно потчуетъ своихъ гостей старымъ, густымъ сидромъ. Каждая опорожниенная кружка вызывала радостную улыбку на его широкой физиономіи:

— Еще одна, которой пруссаки не получаютъ—восклицалъ онъ.

Внезапно часового, сорвавшись со своего поста, однимъ прыжкомъ очутился возлѣ пировавшихъ, бормоча въ испугѣ:

— Они, они, ихъ цѣлая толпа!

Произошелъ переполохъ, всѣ въ страхѣ вскочили, схватывая ружья, опрокидывая скамейки, натыкаясь

другъ на друга. Наконецъ, вооруженныя, они столпились посреди двора въ первѣшительности, не зная, что предпринять.

Сержантъ обратился къ Гофару:

— Скажи, дружище, они далеко?

— О, да—отвѣтилъ тотъ.

Патруль вздохнулъ свободнѣе.

Между тѣмъ фермеръ кинулся къ желѣзной рѣшеткѣ воротъ, пріоткрылъ ихъ немного, и, вытянувъ шею, внимательно вглядывался въ даль. Потомъ знакомъ подзвалъ остальныхъ. На вершинѣ холма, прилегавшаго къ большой дорогѣ, на сѣвратомъ фонѣ неба, вырисовывались че-

тыре силуэта неподвижныхъ всадниковъ.

— И это называется по твоему толпа?—презрительно замѣтилъ сержантъ.

— Но... вѣдь я не говорилъ вамъ, что она велика—послѣдовалъ отвѣтъ.

Фермеръ, разсмѣявшись, дружески похлопалъ Гофара по плечу и отправилъ его снова на прежній постъ.

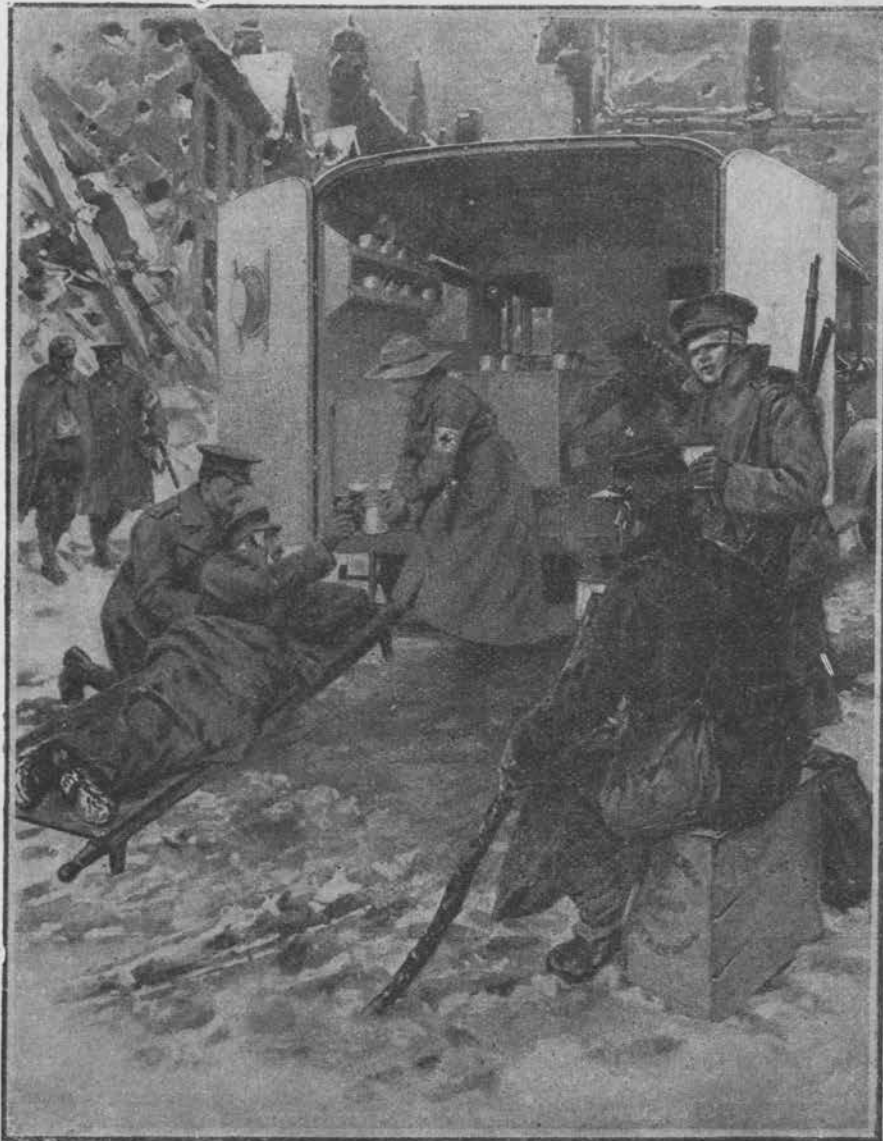
— Слушайте, друзья,—обратился онъ къ остальнымъ,—не нужно долго задумываться; спрячемся вдоль стѣны и будемъ ждать: если они пробѣдутъ мимо, откроемъ огонь имъ вслѣдъ, если же они только приблизятся на небольшое разстояніе, постараемся тогда выбить каждого изъ сѣдла. А теперь запаситесь терпѣніемъ!

Всѣ одобрили этотъ планъ, а сержантъ Бешонъ даже началъ мечтать вслухъ:

— Вѣдь если только удастся словить ихъ и представить въ батальонъ, то наградой будетъ крестъ или медаль; не такъ-то душно.

— Эй, Гофаръ! подвигаются они?

— Подвигаются: одинъ за другимъ. Слушай!—вскрикнулъ вдругъ часовой.

Летучій англійскій госпиталь.

— Не рычи такъ — прошипѣлъ сержантъ, — да сними кепи, чтобы тебя не замѣтили.

На шоссе послышался мѣрный топотъ конницы и звонкій лязгъ сабель о стремена. Шумъ постепенно росъ.

— Сержантъ Бешонъ! они не дальше ста пятидесяти метровъ—прошепталъ Гофаръ.

— Хорошо, спрячься! — отвѣтилъ тотъ.

Но что это? Раздался ружейный залпъ. Гофаръ на своемъ посту не слышалъ ничего о важномъ стратегическомъ планѣ. Сердце его учащенно билось, глаза завлакивались туманомъ, волненіе росло. Закмуривъ глаза, онъ

выстрѣлилъ наудачу. Послышался шумъ бѣшенаго галопа, уменьшавшійся съ каждымъ мгновеніемъ. Гофаръ блѣдный, растерянный, прыгнувъ съ лѣстницы, бросился къ воротамъ, безпрестанно повторяя:

— Онъ тамъ, тамъ.

Всѣ кинулись слѣдомъ. Вдали видѣлись силуэты тѣхъ удалявшихся во весь опоръ всадниковъ, четвертый лежалъ на землѣ, смятый подстрѣленной лошадыю. Съ криками «ура» солдаты устремились къ нѣмецкому улану, который при видѣ приближающихся французовъ закрылъ лицо руками, бормоча въ ужасѣ:

— Ich Landwehr pas méchant!

Плѣнника, полумертваго отъ страха, вытащили изъ-подъ убитой лошади, и тутъ многіе въ изумленіи замѣтили его удивительное сходство съ Гофаромъ. И плѣнникъ и побѣдитель имѣли, дѣйствительно, одно и то же лицо, обрамленное густой рыжей бородой.

— Если онъ и похожъ на Гофара, то развѣ только идиотскимъ выраженіемъ физиономіи,—съ горечью замѣтилъ сержантъ.

Онъ и фермеръ не могли простить Гофару самовольнаго поступка, разстроившаго ихъ блестящій планъ.

— Нѣтъ! упустить такой случай!—воскричалъ разсвирѣпѣвшій сержантъ, и ударъ за ударомъ сыпался на спину бѣднаго Гофара.

Тотъ дико водилъ глазами по сторонамъ, не понимая, въ чемъ заключалась его вина. Онъ пробовалъ было объясниться, но сержантъ не далъ ему времени, прервавъ его.

— Какъ, идиотъ! Ты не понимаешь, что лишился насъ награды?

— Однако, дѣти мои!—замѣтилъ фермеръ,—нужно убираться во свояси, вѣдь «они» могутъ вернуться!

Веселье сразу упало; патруль, таща за собой хромящего улана, вернулся во дворъ фермы подъ защиту каменной ограды.

Тѣмъ временемъ Бешонъ обдумывалъ уже новый планъ. Такъ какъ въ плѣнъ попалъ всего одинъ уланъ, то слѣдовало, какъ можно выгодно, использовать это обстоятельство. Фермеръ уступилъ свою лошадь и телѣжку для перевозки плѣнника. Ландверъ былъ водворенъ на повозку и съ большими предосторожностями къ ней привязанъ, а затѣмъ живой трофей былъ торжественно украшенъ плющемъ. Фермеръ хлопоталъ больше всѣхъ; онъ принесъ остатокъ сидра, который дружески выпили на прощаніе.

— Завтра вечеромъ я отправляюсь въ Гавръ. Мой скотъ проданъ, зерно тамъ же, въ погребѣ не осталось ни одного боченка сидра. Пруссаки могутъ явиться, мнѣ это безразлично. А теперь прощайте, друзья, счастливаго пути! Кортѣжъ медленно двинулся въ путь и, послѣ краткаго перехода, съ пѣснями вошелъ въ Женнето. Одинъ Гофаръ оставался задумчивымъ, не понимая, почему сержантъ обвинялъ его въ глупости, когда результатомъ этой глупости являлся триумфъ.

Въ городкѣ этотъ триумфъ принялъ грандіозные размѣры. Жители сбѣжались посмотреть плѣнника, шумно привѣтствуя возвращеніе патруля.

— То ли еще будетъ въ Гаврѣ!—съ умиленіемъ думалъ Бешонъ.

Побѣдители пожимали руки товарищамъ, добавляя;

— Да, пришлось поработать; нѣмцевъ было порядочно!

Когда улана доставили къ маіору, съ плѣнника былъ снятъ обычный допросъ, который, однако, не достигъ цѣли. Ландверъ не понималъ по-французски; онъ только жалобно стоналъ, повторяя:

— Ich Landwehr, pas méchant.

Сержантъ подробно изложилъ обстоятельства плѣненія улана, заключивъ:

— Если бы не Гофаръ, то всѣ четверо были бы въ нашихъ рукахъ.

Маіоръ, выслушавъ донесеніе, поздравилъ сержанта, общая доложить о его подвигѣ.

— Что же касается этого Гофара, — добавилъ онъ,—то видно сразу, что онъ скверный солдатъ, арестъ послужитъ ему урокомъ.

Черезъ четверть часа, дверь муниципальной тюрьмы закрылась за Гофаромъ. Заключение его раздѣляли плѣнникъ и два солдата, буянившіе на постое. Часовой охранялъ дверь. Гофаръ пришелъ въ страшную ярость. Онъ, какъ раненый звѣрь, метался изъ угла въ уголь, въ бѣшенствѣ потрясая дверью.

Уланъ усталый, сильно помятый лошадей, съ ужасомъ забился въ уголь, вспоминая всевозможные рассказы о лютости французовъ. Замѣтивъ его страхъ, солдаты рѣшили напугать пруссака и доставить себѣ маленькое развлеченіе. Они начали съ ревомъ и гиканьемъ подползать къ нему. Ландверъ, не выдержавъ, закрылъ лицо обѣими руками, съ трепетомъ ожидая нападенія. Недаромъ онъ слышалъ въ Силезіи, что французы ѣдятъ плѣнниковъ! Тѣмъ временемъ Гофаръ все продолжалъ неистовствовать. Товарищамъ это, наконецъ, надоѣло, и они велѣли ему замолчать. Одинъ изъ нихъ, пригнувъ къ замочной скважинѣ, подзвалъ часового и просилъ его привести

сидра и закуски. Деньги онъ подалъ въ окно. Черезъ нѣсколько минутъ обитатели камеры мирно сидѣли на полу вокругъ закусокъ и бутылокъ съ сидромъ. Двѣ свѣчи освѣщали пиршество. При видѣ Ёды пльнникъ пришелъ въ такое волненіе, что солдаты знаками дружески пригласили его въ кружокъ. Онъ съ жадностью принялся за Ёду. Гофаръ долго не могъ успокоиться, удивляясь и свтуя на людскую несправедливость. Остальные двое философствовали. Послѣ пятой бутылки сидра Гофаръ положилъ голову на плечо пруссака, забывая подъ вліяніемъ алкоголя національную вражду. Ободренный такимъ вниманіемъ, пльнникъ вынулъ фотографіи своей жены и четырехъ дѣтей и со слезами на глазахъ показывалъ ихъ солдатамъ. Тѣ сочувственно вздыхали, покачивая го-

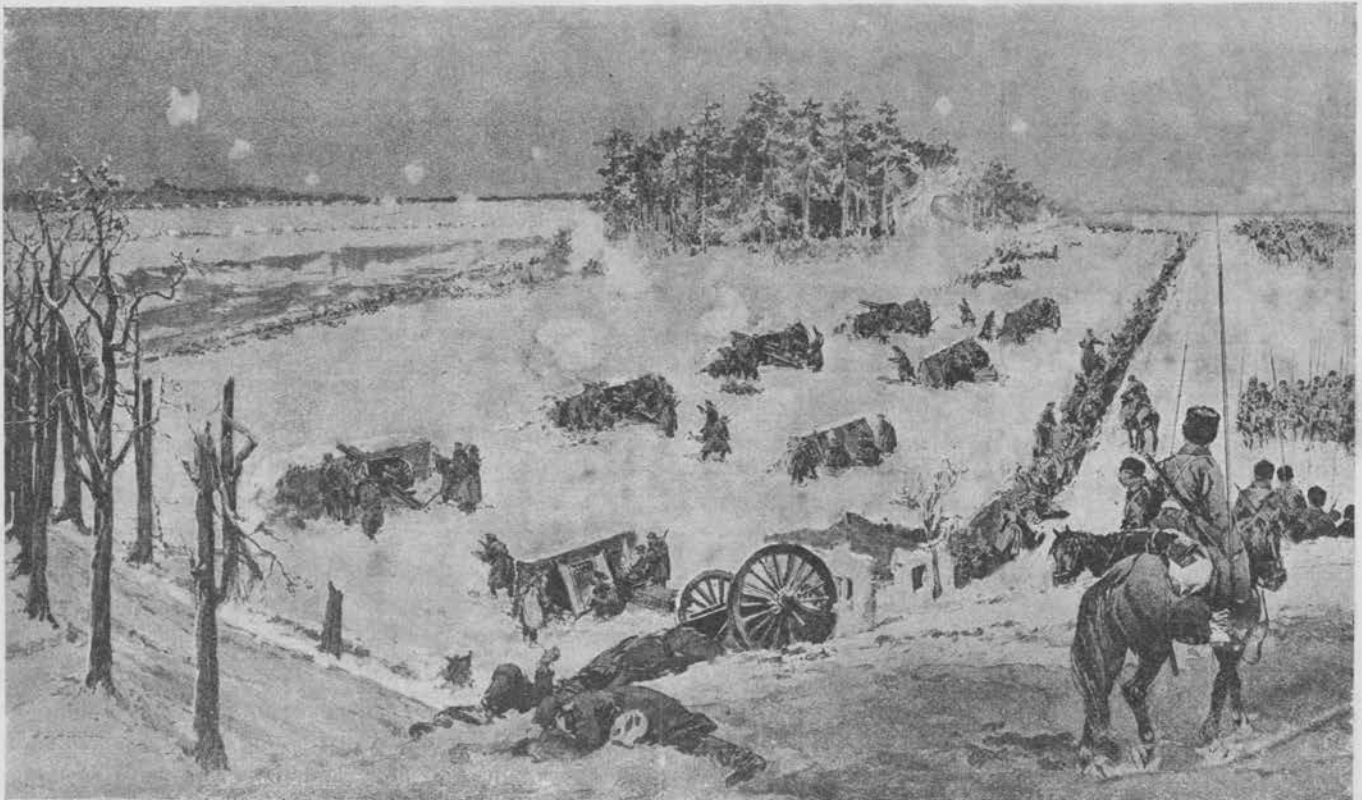
передаваемые изъ улицы въ улицу; слышались крики, отдѣльныя слова команды. Офицеръ вошелъ въ камеру, но при видѣ неподвижно распростертыхъ на полу тѣлъ, остатковъ ужина и валявшихся пустыхъ бутылокъ онъ остановился на минуту въ раздумьи.

— Стащить ихъ на повозку въ багажъ—приказалъ онъ стражникамъ да не терять времени! Окрестность уже занята нѣмцами.—Вотъ этотъ! еще и тотъ съ рыжей бородой?! Такъ, великолѣпно!

— А гдѣ же пльнникъ? спросилъ одинъ изъ караула.

— И то правда! недоумѣвающе произнесъ офицеръ,—гдѣ же онъ?

Въ этотъ моментъ слышались сигналы. Батальонъ выступалъ изъ городка.

Артиллерійскій бой.

ловой. Трогательныя изліянія пьянаго улана внезапно были прерваны голосомъ часового, извѣщавшаго о приближеніи обхода. Мигомъ бутылки, свѣчи, закуска исчезли подъ нарами. Дверь отворилась. Вошелъ офицеръ, за нимъ стражникъ съ фонаремъ. Гофаръ и его два товарища, нетвердо державшіеся на ногахъ, поднялись, снявъ кепи. Уланъ при видѣ офицера поднялъ свою шапку и, вытянувшись, браво отдалъ честь. Обходъ удался, и снова начался пиръ. Гофаръ, забывъ всѣ невзгоды, одѣлъ головной уборъ нѣмецкаго улана, опьянѣвшаго и почтительнаго, а ему отдалъ свое кепи. Остальные, въ восторгѣ отъ такой выдумки, заставили ихъ помѣняться также платьемъ. Гофаръ, утомленный переодѣваньемъ, покинулъ товарищей и, забившись подъ нары, заснулъ богатырскимъ непробуднымъ сномъ.

На зарѣ на площади раздались тревожные сигналы,

— Живѣй! заторопился офицеръ. — Если насъ спросятъ, гдѣ пльнникъ, скажемъ, что исчезъ.

— И это будетъ сущая правда—отвѣтили хоромъ солдаты.

Часть батальона покинула уже Женнето. Трое пьаницъ, водворенные на повозку, слѣдовавшую за батальономъ, мирно покоились среди офицерскаго багажа, прикрытаго сверху брезентомъ.

* * *

По выступленіи батальона, тягостное уныніе нашло надъ городкомъ. Муниципальный совѣтъ, во главѣ съ мэромъ, собрался на площади. Глава города опасался, какъ бы непріятель не наложилъ на Женнето контрибуціи за взятаго наканунѣ въ пльнѣ нѣмецкаго улана.

— Въ крайнемъ случаѣ, господа,—обратился мэръ къ собравшимся,—мы можемъ заявить про-

Вечерний чай.

тивнику, что пѣвникъ не останавливался здѣсь, тѣмъ болѣе, что теперь онъ, навѣрное, далеко отсюда слѣдуетъ за батальономъ. Въ этотъ моментъ дверь тюрьмы, оставшаяся по уходѣ караула все это время открытой, широко распахнулась, и на порогѣ появился грязный, растрепанный уланъ. Дневной свѣтъ на минуту ослѣпилъ его. Онъ зѣвая усѣлся на порогъ, протирая кулаками заспанные глаза. Рыжіе жесткіе волосы его были всклокочены, помятая уланская шапка съѣхала на бокъ и раздражала, какъ видно, владѣльца. Онъ скоро съ досадой сорвалъ ее съ затылка и началъ съ большимъ вниманіемъ ее разглядывать, поворачивая ее вверхъ и внизъ и тупо глядя по сторонамъ. Черезъ секунду головной уборъ полетѣлъ въ толпу.

— Варамбо, пойдите узнайте, что ему нужно, — приказалъ мэръ стражнику.

Варамбо подошелъ прямо къ улану и хлопнулъ его по плечу.

— Ну, что пріятель?

— Тотъ поднялъ на него мутные глаза и отвернулся бормоча что-то подъ носъ. Стражникъ обратился къ чиновникамъ:

— Я не понимаю нѣмецкаго языка, но готовъ поклониться, что онъ проситъ пить.

Внезапно уланъ вскочилъ на ноги.

— Довольно глупостей! Скажите лучше, почему другие ушли безъ меня?

— Присутствующіе обмѣнялись удивленными взглядами.

— Вы въ нашей власти, мой другъ, — обратился

мэръ къ улану, и товарищи ваши далеко. Если же они вернутся, то общайтесь мнѣ подтвердить имъ, что васъ здѣсь забыли и что обращались съ вами хорошо.

— Общаю, общаю — пробормоталъ уланъ. — Охъ, какъ хочется пить!

Варамбо принесъ кувшинъ сидра. Непріятель залпомъ выпилъ нѣсколько стакановъ и обтеръ ротъ рукавомъ. Тутъ взглядъ его случайно упалъ на красные отвороты уланскаго мундира. Тогда онъ сталъ внимательно осматривать свой костюмъ, сорвалъ съ плеча уланскіе эпюлеты и со стономъ отчаянья, въ изнеможеніи, опустился на землю. Тѣмъ временемъ толпа на площади все прибывала. Послышались угрожающіе возгласы. Нѣсколько брошенныхъ издалика камней упало къ ногамъ пѣвника.

— Обыскать его! — приказалъ комендантъ.

Варамбо подошелъ къ неподвижно стоявшему улану и принялся за обыскъ. Изъ кармана пѣвника были вынуты бумаги, связка писемъ и бумажникъ съ фотографіями дѣтей. Варамбо изъ всѣхъ документовъ разобралъ только одно имя пѣвника.

— Васъ зовутъ Пютцли? — обратился онъ къ улану.

— Что? что такое? — зарычалъ уланъ. — Довольно шутокъ! меня зовутъ Гофаромъ, да, Гофаромъ! Мой батальонъ стоитъ въ Монтины!

Положеніе обострилось. Городской совѣтъ недоумѣвалъ, толпа глухо волновалась. Уланъ въ ярости потрясалъ кулаками, продолжая кричать охрипшимъ голосомъ:

— Да, да, меня зовутъ Гофаромъ. Очнулся я въ

камерѣ подь нарами; не знаю только, какъ я тамъ могъ очутиться. А теперь прощайте! Вы мнѣ здѣсь всѣ порядкомъ надоѣли.

И, расгалкивая толпу локтями, онъ быстро скрылся по направленію Гавра. Пройдя шаговъ двѣсти, онъ занутился въ шпорахъ, свалился на землю, поднялся и, бормоча угрозы, продолжалъ свой путь.

Тѣмъ временемъ батальонъ его остановился на отдыхъ въ мѣстечкѣ Персеваль. Разставивъ часовыхъ у входа въ деревню, солдаты выстроились на площади, и началась перекличка. Не доставало пѣвника, и сержантъ Бешонъ, задѣтый въ своемъ самолюбіи, не могъ успокоиться. Весь батальонъ раздѣлялъ его неудовольствіе и разочарованіе. Солдаты, которые переносили трехъ пьяницъ въ повозку, не преминули передать остальнымъ, во время перехода, о таинственномъ исчезновеніи пруссака, и тихій шопотъ передавался изъ ряда въ рядъ:

Уланъ... гдѣ же онъ?

Проходилъ адъютантъ.

— Бешонъ!—обратился онъ къ сержанту,—тамъ въ повозкѣ съ поклажей долженъ находиться вашъ подчиненный, знаете, тотъ идиотъ, Гофаръ. Онъ вчера изрядно напился подь арестомъ.

— А, Гофаръ! Онъ тамъ? Но лучше скажите, гдѣ пѣвникъ, господинъ лейтенантъ?

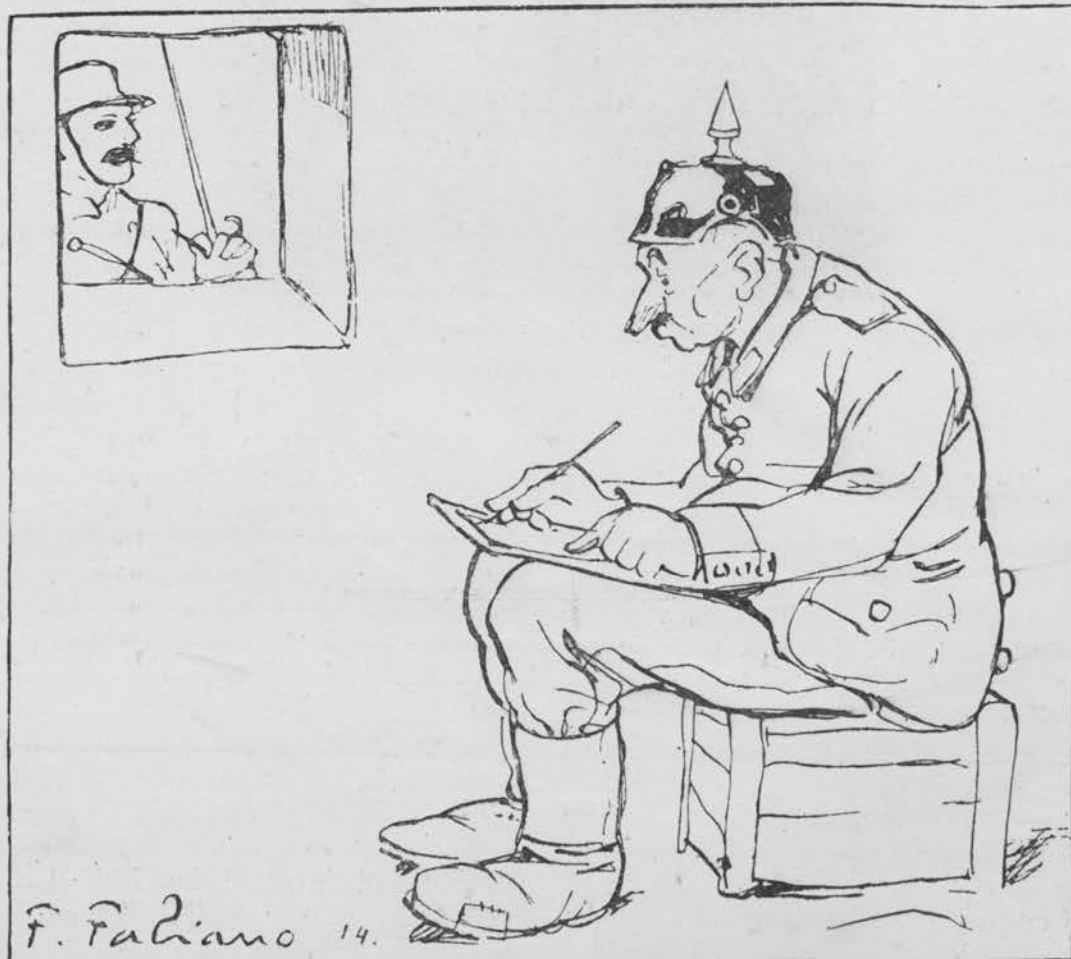
Офицеръ развелъ руками въ отвѣтъ и удалился. Сержантъ направился къ повозкѣ. Подь брезентомъ

путешественники начинали мало-по-малу оживать. Двое изъ нихъ жалобными голосами просили воды, третій же не шевелился. Сержантъ удивился и въ какой-то перемѣнѣ въ лицѣ подчиненнаго, происшедшей за эту ночь. Онъ сталъ вглядываться въ него пристальнѣе, затѣмъ схватилъ его за воротъ и сильно встряхнулъ. Тотъ отъ неожиданности проснулся. Сознаніе блеснуло въ его мутныхъ глазахъ. Онъ приподнялся въ повозкѣ и жалобно произнесъ:

— Ich Landwehr, pas méchant.

Сержантъ кинулся прочь и сообщилъ новость капитану. Тотъ доложилъ командиру, приказавшему собраться всѣмъ офицерамъ.

Ландверъ появился передъ ареопагомъ, но добиться отъ него такъ ничего и не удалось. Онъ показывалъ свое кепи и съ горестью ударялъ себя въ грудь. Потомъ, ощупавъ карманы и не найдя тамъ бумажника, пѣвникъ горько заплакалъ. Ареопагъ былъ сбитъ съ толку. Командиръ, любившій вообще театральность обстановки, равнодушный къ эффектамъ, съ досадой думалъ о неудавшемся триумфѣ. Развѣ возможно было доставить въ Гавръ подобнаго пѣвника, съ испитою физиономіей, одѣтаго въ мундиръ и кепи французскаго солдата?! Командиръ въ тяжеломъ раздумьи покусывалъ свой усъ, стараясь придумать какой-нибудь выходъ. Но все было напрасно. Внезапно, на окраинѣ деревни послышался ружейный выстрѣлъ, потомъ наступило минутное молчаніе, а затѣмъ по-

Пишу тебѣ, дорогая женушка, изъ Франціи. Видь изъ моего окна самый успокаивающій...

слышались крики и взрывы хохота. Командиръ и офицеры бросились къ заставѣ. Часовые держали за руки оборваннаго и обезоруженнаго улана, который старался объясниться. Изъ толпы солдатъ слышались шутки и возгласы:

— Гофаръ! Смотрите, Гофаръ!

На закатѣ солнца батальонъ проходилъ по улицамъ Гавра. Толпа мальчишекъ съ радостными оживленными криками бѣжала впереди. Командиръ гарцовалъ на вороной лошади, приветливо раскланиваясь

по сторонамъ. Въ центрѣ колонны, въ повозкѣ, украшенной зеленью, везли пѣвника, «настоящаго пѣвца-каго улана», одѣтаго въ «уланскую» форму. Гофаръ, «настоящій» тоже велъ за узду лошадь одноколки. Посреди восторженныхъ привѣтствій и бурныхъ аплодисментовъ толпы, кортежъ торжественно, съ пѣніемъ гимна, прослѣдовалъ черезъ весь городъ.

На утро Гофаръ вторично отбывалъ наказаніе, командиръ же былъ пожалованъ орденомъ.

Henri Allais.

Собака-почтальонъ.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.